

Индекс УДК 811.511.142

Код ГРНТИ 16.41.25

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-122-03-70-79

А.Д. КАКСИН*

Образ рыбака в рассказе на хантыйском языке: разговорные средства в структуре художественного текста

Статья посвящена одной из сторон когнитивного аспекта реконструкции образа человека в хантыйском языке. Основная задача — выявление того, каким представляется в сознании человек-ханты и как достигается адекватное описание этого человека в тексте. Выполнение данной задачи предполагает рассмотрение языковых средств в двух аспектах: парадигматическом (или статическом) и синтагматическом (или динамическом). После определения ключевого понятия (ханты = рыбак) проводится поиск ключевых слов, определяющих человека, укоренённого на родной земле. По материалам диалектологических словарей хантыйского языка составлены их список (включающий шесть лексических единиц), а также перечень лексико-семантических вариантов, подходящих для характеристики и оценки человека. Сделан вывод о том, что структурно-семантические особенности этих единиц, заложенные в словаре как потенциальные, в полной мере проявляются в тексте, способствуя полной объективации (вербализации) того или иного понятия. За основу текстуального анализа взят рассказ основоположника хантыйской литературы Г.Д. Лазарева «Сорненг тов» («Золотой конь»). В этом произведении описывается жизнь в небольшой рыбацкой деревушке, и главными героями являются представители трёх поколений одной семьи: старый рыбак, его сын и внук. Внимательное прочтение позволяет выявить те средства, с помощью которых автор раскрывает образ персонажей максимально полно. Отчётливо видно, что в описании этих людей (главных героев) автор стремится быть предельно точным. В основном это удаётся, и особенно в тех местах, где приводится прямая речь персонажей. Удачные слова и обороты для характеристики и оценки встречаются также в повествовательных и описательных фрагментах рассказа. При этом отмечается наличие и «общих мест», т.е. фраз и выражений, не свойственных хантыйскому языку. Объяснением их появления в тексте рассказа признаётся несовершенство хантыйского языка в его письменной форме (недостаточная разработанность хантыйского литературного языка).

Ключевые слова: лексические единицы, дискурсивные средства, контекст употребления, характеристика, оценка, хантыйский язык

* **Каксин Андрей Данилович** — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова.

E-mail: adkaksin@yandex.ru

Основой нашего подхода является логико-семантический анализ, направленный на установление способов и средств языковой репрезентации тех или иных явлений объективной реальности. Самая сложная субстанция окружающего мира — человек, и в этом своём качестве он является предметом изучения большого числа научных дисциплин. Лингвистический подход, возможно, чуть более специфичен, поскольку ориентирован на изучение такого неординарного качества человека, как способность претворять мыслительную деятельность в речевую (языковую) форму. Поскольку языков много, наша задача состоит в выявлении способов и средств определённого языка, способствующих адекватному представлению разных сторон человеческой личности.

Наш подход к теме обусловлен также интересом к когнитивной стороне языка, к той сфере, которая является предметом когнитивной лингвистики. В этом случае язык понимается «...как инструмент для организации, обработки и передачи информации и при этом как разновидность способности человека к познанию (наряду с другими способностями). Формальная структура языка рассматривается как отражение законов категоризации и общей понятийной организации» [8, с. 313].

Указанные законы (в сочетании с принципом антропоцентризма) были в центре внимания авторов многих работ по общей лингвистике и отдельным языкам [1, 10, 12, 13, 17].

Среди работ, посвящённых конкретным языкам, выделяются те, где анализируются единицы образно-метафорического плана [2, 6, 7, 11, 3].

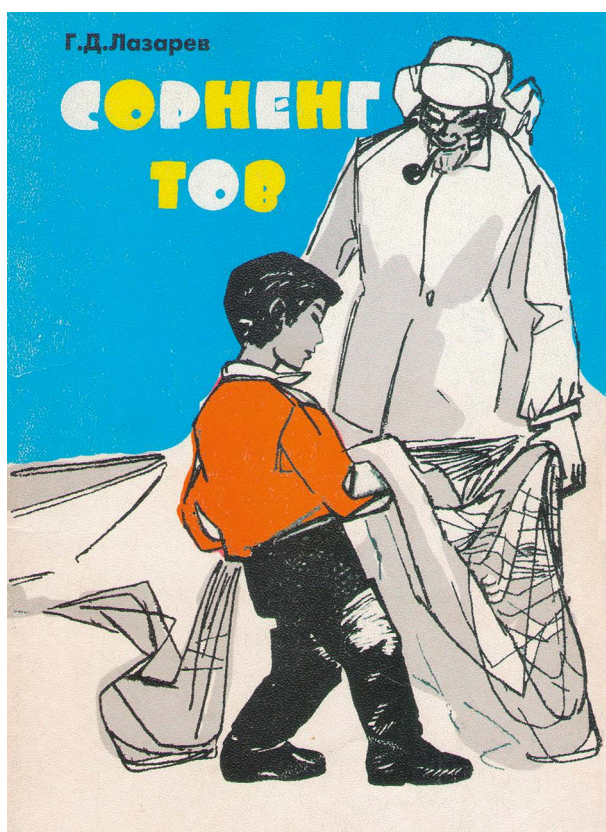
Однако, на наш взгляд, небезынтересными представляются и работы, посвящённые нелексическим явлениям: выясняется, в частности, что многие из грамматических средств опосредованно также могут быть использованы для характеристики и оценки человека [15, 19, 18, 16].

М.И. Черемисина сформулировала свой подход к лексическим/семантическим средствам языка следующим образом: «Алтайским языкам... чужды многие стороны той образности, которая присуща русскому и другим европейским. Например, здесь не принята метафоризация образов животных: людей не называют ослами, медведями, коровами, божьими коровками, змеями и т.д., хотя иногда и сравнивают с животными. Зато для этих языков характерен другой тип образности: специфические образные (но не метафорические!) и звукоподражательные слова... С типологической точки зрения важны такие органические характеристики, как гибкость категориальной семантики слова, способность основы двигаться по разным грамматическим классам, как “открытость” лексических единиц для семантической деривации» [12, с. 76–77].

В системе языка — ещё на парадигматическом уровне — имеется большое число лексических единиц, ориентированных на объективацию (вербализацию) образа человека. Поэтому, прежде чем описывать текстовую семантику, необходимо определить, хотя бы приблизительно, основной состав и характер искомой лексики. Если понимать слово как номинативную единицу, можно заметить, что языки не-много по-разному представляют «устройство» живого и предметного (вещного) мира, окружающего человека. По-разному «отражается в языке» и сам человек — эта многомерная, бесконечно разнообразная субстанция. Лексика любого языка системна, но эта системность проявляется по-разному. Прежде чем обратиться к текстовому воплощению образа рыбака, укажем на имеющийся словарный материал.

В речевых высказываниях и текстах должны быть употребительны слова, характеризующие человека-рыбака: предположительно, со значениями ‘сила’, ‘сильный’, ‘мощь’, ‘мощный’, ‘крепкий’, ‘здоровый’. Такие слова имеются:

jur ... Kraft, Stärke / сила; — Fähigkeit, Möglichkeit ...; Macht, Gewalt (z. B. des Beamten); Tragfähigkeit ...

Ил. 1. Обложка книги Г.Д. Лазарева «Сорненг тов» («Золотой конь»)

jurəŋ ... stark [20, с. 403].

ЙУР *суц.* сила: *Муй арат йур тайсэм, муй арат щом тайсэм* — Сколько у меня было сил, сколько у меня было мощи [5, с. 48].

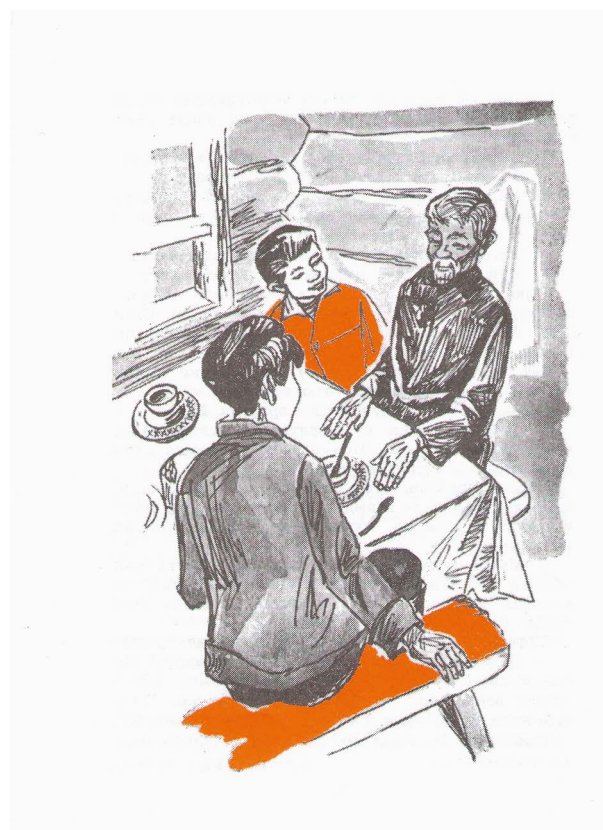
ЩОМ *суц.* сила: *Щом айн тайэл* — Нет сил; *Щомэл айтэм* — Нет сил; *Муй арат йур тайсэм, муй арат щом тайсэм... ин нэмэлт айтэм* — Сколько у меня было сил, сколько у меня было мощи... сейчас ничего нет. ...

ЩОМЭН *прил.* сильный [Там же, с. 154].

ВЕВ *суц.* сила, мощь: *Вевэл айтэм* — Сил у него нет; *Вев айт тайэл* — Сил не имеет. ...

ВЕВЭН *прил.* мощный, могучий, значительный, сильный [Там же, с. 28].

ТАКСЭР *прил.* крепкий, здоровый: *Лүв сэң таксэр нэңхуй, нэмаса порайна кәсаң айт уллийэл* — У него очень крепкий организм, он никогда не болеет; *Нэврэмлам тумтака па таксэра энэмлэт* — Дети растут сильными и здоровыми [Там же, с. 123].

Ил. 2. Рисунок Г. Кетова к книге Г.Д. Лазарева «Сорненг тов» [9, с. 8]

В тексте (ил. 1) эти слова встречаются, но спорадически. Очевидно, автор интуитивно угадывает, что не прямое употребление этих слов точно характеризует рыбака. Человека, всецело занятого делом всей жизни, лучше всего характеризуют слова, посвященные его трудолюбию, терпению, упорству, азартности, преданности избранному пути. Также хорошо характеризует героя его речь.

Таты артны иси па кенышик тувета хут ветпыса янгхта: товны янгхыт. Сютны шенгк ант туймийтл. Интам, тунгын! Иса тувы **юрытны** янгхыт [9, с. 23] 'Зимой всё же легче ему ездить на рыбный промысел: на лошади ездит. Поэтому сильно не устаёт. Теперь-то, летом! Все своими силами ездит'.

Хун хоят **семыт кемны** мотты вертл, сиртны самыта амыт йит па ухыта арсыр атым номсыт ант ёхыттыт [Там же] 'Кто сообразно своим силам что-то делает, у того и сердце радуется, и в голову разные дурные мысли не приходят' (ил. 2).

Нонгат Шовыр посл унта тутэв, сита еты нонг **нонгы юрены** мантытн [Там же, с. 25] ‘Довезём тебя до Заячьей протоки, оттуда дальше ты **своими силами** поедешь’.

Далее рассмотрим примеры употребления искомых слов и словосочетаний в контексте выражения отношения человека к своему делу (труду). В следующих предложениях речь идёт о рыбаках и занятии рыболовством:

— Нонг сирены ма тутн етын ат омсым? Ма **самем сит пета ант утл**. Хун хоят **семьт кемны мотты вертл**, **сиртны самыта амыт йит** па ухыта **арсыр атым номсыт ант ёхыт-тыт** [Там же, с. 23] ‘По-твоему, я дома должен сидеть? Моё **сердце** к этому **не лежит**. Когда человек, по своим возможностям, что-то делает, тогда его **сердце радуется**, и в голову разные плохие мысли не приходят’.

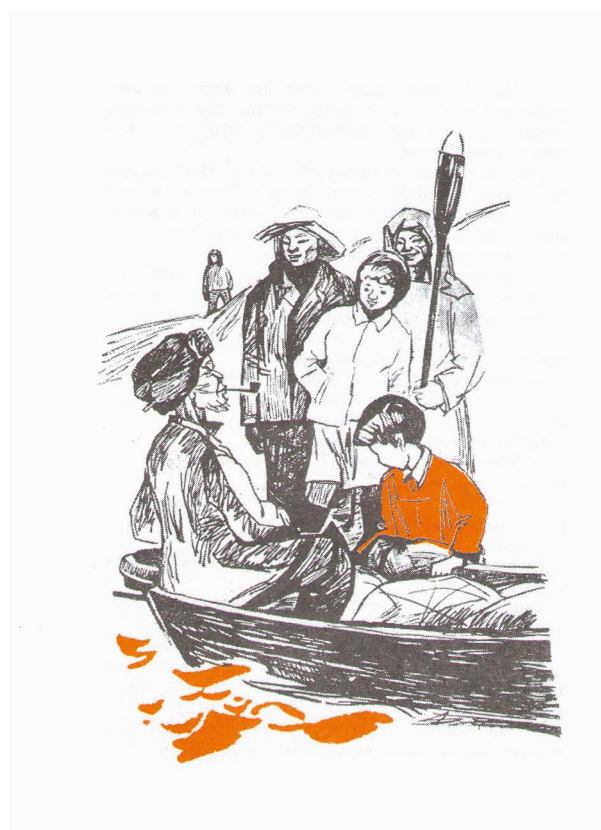
— Рутситыт па ситта еты мантыт. Ситы, **пох, верыт си уттитыт** [Там же, с. 25] ‘Отдохнут и потом дальше идут. Так вот, **сын-нок, дела и бывают**’.

— Ма вантэмны, нын ма тохытпем **вер-тын яма мянтыт**, — ай няха восилман, **лопыс Пётр** [Там же, с. 31] ‘Я смотрю, у вас и без меня дела хорошо идут, — **добродушно посмеиваясь**, сказал Пётр’.

— Нонг иси па нэпекынг хо, сютны си та-вырт, уны **верыт, сора ухена вуйтан**. Сит **ям вер** [Там же, с. 33] ‘Ты, однако, грамотный человек, эти сложные дела **быстро позна-ешь** (букв.: в голову берёшь). Это хорошо (букв.: хорошее дело)’.

— Ма нумыстым, нонг мотор манэма оша павыттэн. Там **вер ухтыны номысны матэн**. Па ситта моторны туттиты **верен номыса анта рахыт...** [Там же] ‘Я думаю, что ты на-учишь меня обращаться с мотором. Этому делу **обучишь** меня. А если (у меня) ездить на моторе дело **не пойдёт...**’

Конечно, кроме приведённых образцов в хантыйском языке представлено много других слов и оборотов, употребление которых позволяет рассказать о приверженности человека делу жизни, о его трудолюбии, целеустремлённости, добросовестности. Например, о своём призвании можно сказать так:

Ил. 3. Рисунок Г. Кетова к книге Г.Д. Лазарева «Сорненг тов» [9, с. 16]

— Па ситта ма **хут ветты хоят тывсым**. Йингк — там ма **тытэм** [Там же, с. 25] ‘И потом, я ведь **родился рыбаком**. Вода — это моя жизнь’.

Синонимичной приведённой является следующая фраза:

Аты омыста там ики ант хантл [Там же, с. 35] ‘**Просто так сидеть** этот человек **не умеет**’.

Преимственность поколений людей, желающих трудиться, быть полезными обществу именно в этом качестве (ил. 3), ярко выражена в заключительном диалоге книги, посвящённой рыбакам:

— Сантыр, нонг па муя нонг **вотанген** **пирьсы ики омысыптысэн рупитта?** Сыры нонг **туват тутисэн**, а интам **пирьсы ики мотор туттита тэсятсэн**.

Сантыр еты **няхман лопыс**:

— Ма хун **омсыптысэм**. Тув тувы **номыс** **вермат моториста утта**. А ма **космонавта** **питтым** [Там же, с. 19] ‘Сантыр, а почему ты вместо себя старика заставил работать?’

Раньше ты его возил на лодке, а теперь старого человека посадил за руль.

Сантыр со смехом отвечал:

— Я не заставлял его. Он сам решил быть мотористом. А я космонавтом буду'.

По этим фрагментам текста видно, что каждый признак значимой единицы хантыйского языка находится в сложной взаимозависимости с другими соотносящимися признаками. Концептуальность текста, его «внутренняя форма», его сущность проявляются в изоморфизме: в том, что общие свойства и закономерности объединяют единицы разной сложности. Другими словами, слова в тексте «подогнаны» друг к другу.

В своём функционировании человеческая речь не всегда должна быть образной и выразительной, поскольку она всегда прагматична. Языки Севера — языки народов, небольших по численности. Но и в этом случае, для небольшого коллектива, язык исправно выполняет свою главную функцию — быть средством коммуникации, давать возможность людям действовать сообща [14, с. 6–7].

При этом в каждом отдельном случае проявляется одно из основных свойств любого языка — наиболее подходящими средствами реализовывать заключённую внутри языка энергию (или экспрессию). Энергия языка сосредоточена и проявляется в материальности (многие элементы языка изучаются с привлечением данных биологии и физики), в краткости (экономности), в точности, проистекающей из ясности цели (каждого высказывания). В качестве примера можно привести небольшой устный рассказ (моего отца): человек говорит достаточно медленно, не особо эмоционально, но, на самом деле, его незамысловатая речь — это сгусток энергии. И во многом это внутреннее напряжение создаётся именно желанием высказать свою любимую мысль (о преемственности между поколениями). За этими простыми словами отчётливо видно также его внутреннее любование теми картинками, которые вспоминаются ему, проходят пе-

ред его глазами (с дедом на рыбной ловле, в окружении близких людей в родной деревне и т.д.).

Языки народов Севера по большей части бесписьменные или младописьменные. Конечно, нужно стремиться к увеличению числа авторских (литературных, художественных, переводных) текстов, но также важно сохранять речевые образцы (устные рассказы, воспоминания). Именно в этих образцах могут встретиться яркие примеры точных и экспрессивных высказываний.

Современный хантыйский язык, как и многие другие, точнее всего определяется как *разговорный*. Безусловно, он давно уже письменный, на нём создано значительное число текстов (и тот рассказ, который мы ниже будем разбирать, предстаёт, конечно, в письменном виде), но при этом хантыйский язык воспринимается прежде всего как выполняющий первую функцию языка — коммуникативную. Именно эту сторону языка детально рассматривал в одной из своих работ Н.Б. Вахтин, предваряя свой анализ вопросом, суть которого сводится к следующему: что является залогом успешной коммуникации двух людей, говорящих на одном языке, но различающихся по другим возможным «параметрам» (полу, возрасту, социальному положению и т.п.)? Ответ: результативность коммуникации обеспечивают «разнообразные механизмы, позволяющие гасить... расхождения, механизмы обратной связи между говорящим и слушающим, способы переспросов и перепроверок, да и чисто языковые механизмы компенсации, снижения различий, достижения понимания» [4, с. 164–165].

Далее в статье Н.Б. Вахтин называет и некоторые эффективные детали «механизма обратной связи», наиболее яркие языковые средства «достижения понимания»: различные виды синонимии, повторы, переспросы, цитаты, аллюзии. Безусловно, такие средства в тексте разбираемого рассказа встречаются (в дальнейшем изложении обратим на них внима-

ние), но мы бы добавили к ним и другие: разнообразные эвиденциальные формы (и маркеры), риторические вопросы, специальные синтаксические конструкции: восклицания, образные слова и выражения (в том числе юмористического характера).

Как, например, в известном рассказе Г.Д. Лазарева «Золотой конь», в котором именно речь персонажей очень убедительно (и красочно) передаёт все неповторимые нюансы жизни на рыбацком стойбище. Один эпизод в нём особенно красноречив, и сначала представим его весь целиком.

Хун хувын утты сумтынг пай нумпины хатл нох катыс, Микай Ойка тыштыта питыс:

— Хув, хотты, Петр си янгхыт, хутыт антат шактыт.

Пирысь ики самыт ѡнт пакыс: ѡнтом па тув хопа тэтымтыйтмат, па торын эвыт верым хут лангкып айтта ий отнгыт эвыт катылман, нохтышик атмыйтсытэ па хутта нох вантмат. Антом па Пётр маным пант хуват сэмнгыт поныйттэ па хув ситы ватмат, па еты потыртмат:

— Хув си янгхыт, муйтат вертл? [9, с. 30] 'Когда солнце поднялось уже над дальним березняком, Микай Ойка забеспокоился:

— Долго, однако же, Пётр ездит! Как бы рыба не испортилась!

У старика сердце не выдерживало: он то и дело залезал в лодку, ухватывая за один конец сделанную из травы накидку, приподнимал её и осматривал рыбу. Потом устремлял взгляд в ту сторону, куда уехал Пётр, долго всматривался и снова повторял:

— Долго же ездит! И что там делает?

А теперь обратим внимание именно на речь человека, о котором мы выносим суждение. Всего две реплики старого рыбака, следующие друг за другом с небольшим интервалом, — и мы уже воочию видим всю картину, представляем персонажа как реального, живого человека.

— Хув, хотты, Пётр си янгхыт, хутыт антат шактыт! 'Долго, однако же, Петр ездит! Как бы рыба не испортилась!' —

Хув си янгхыт, муйтат вертл? 'Долго же ездит! И что там делает?'

Нет сомнений, что по мере усложнения системы языка требуется семантическое развитие, имеющее основанием не только аффиксацию, но и другие способы «расширения семантики», в том числе за счёт многозначности и метафоризации. Думаем, что каждый из языков народов Севера вполне адекватно реализует те возможности, которые даются любому естественному языку.

Основа системности языка, её «внутренняя форма», её сущность проявляются в изоморфизме: в том, что общие свойства и закономерности объединяют единицы разной сложности.

Рассматривая типологические черты (общие и отличительные) языков мира, можно проследживать и такие типологические характеристики, которые касаются также и общих закономерностей семантической организации словарного состава. Заметно, что слова в разных языках не одинаковым образом объединяются в классы, соотносящиеся с морфологическими категориями или синтаксическими функциями. Имеются в виду не только классы того ранга, которому соответствует понятие о частях речи, но и более частные группировки, а также и группировки, основанные на иных принципах. Например, в китайском языке имена, для того чтобы стать счётными, должны получить индивидуализатор — счётное слово, и имена группируются в соответствии с этими счётными словами.

В хантыйском языке нет такого явления, как организация (группировка) имён по семантическим классам, имеющая далее выход в какую-либо морфологическую категорию, но есть другие интересные семантические явления, сопоставимые с аналогичными явлениями в других языках. Такие элементы часто встречаются в рассматриваемом рассказе, и они легко обнаруживаются, если последовательно придерживаться того взгляда, что хантыйский язык, прежде всего, — разговорный. Наиболее интересными оказываются те места, где

автор в своём письменном тексте попадает в стилистику простой, но точной и правильной хантыйской речи.

Вот как в самом начале представлен старый рыбак Михаил Остин, вернувшийся с длительного промысла.

Веншл ий мормынга ёвмат, пухтымнгыт ёхи рохынсынгыт, венш сохыт хатл ешит эвыт пивта сермат, катра ёхымьюх кар хорасыпа. Порти хорасып туш пунтат ий нова хатсимет [9, с. 23] 'Лицо его всё сморщилось, щеки ввалились внутрь, кожа на лице под лучами солнца обуглилась, (стала) как старая древесная кора. Острые пики усов и бородки совсем белёсыми стали'.

Как видим, для точной характеристики внешнего вида много работавшего старого человека выбраны формы так называемого неочевидного наклонения и развёрнутое сравнение. В повествовательной части рассказа отметим и другие выразительные средства.

В исследование вовлекаются все части речи, прежде всего имена существительные и прилагательные (в том числе — в составе связанных сочетаний). Глаголы разных лексико-семантических групп рассматриваются только в случае их вхождения в глагольно-именные сочетания и фразеологические обороты. Языковая рекон-

струкция образа человека предполагает выявление многомерных структур, представляющих сочетание элементов, которые указывают на коммуникативную, прагматическую, когнитивную их значимость.

Ещё раз можно убедиться в правильности суждения: ничто так точно не характеризует человека, как его речь.

Итак, перед нами вполне определённые семантические группы. Разную функцию в организации таких семантических групп выполняют и такие «привычные», казалось бы, отношения, как полисемия, синонимия, антонимия, омонимия, паронимия. Речь идёт не о таких «прямых» характеристиках, как богатство синонимии или, скажем, абстрактной лексики, — эти признаки связаны не с типом языка, а с уровнем его культурно-исторического развития [12, с. 76–77].

Эти отношения в хантыйском языке (в том числе и внутри приведённой группы) будут предметом нашего внимания в дальнейшем. Пока же в заключение выскажем следующее: кроме семантико-грамматической деривации, есть много способов, возможностей, которыми располагают человеческие языки для своего развития и совершенствования в лексико-семантической сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18801389>.
2. Байдак А.В. Метафоры и образные схемы в селькупском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2013. Вып. 2 (2). С. 9–15. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20191623>.
3. Бурькин А.А. Из опыта изучения парадигматики фразеологических единиц русского языка (*вставить свои пять копеек*) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Т. 4, № 1. С. 5–14. DOI: http://dx.doi.org/10.22250/2410-7190_2018_4_1_5_14.
4. Вахтин Н.Б. Заметки об одной особенности акта коммуникации // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 148–166. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11990691>.
5. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты) / С.И. Вальгамова, Н.Б. Кошкарева, С.В. Онина, А.А. Шиянова / Под ред. Н.Б. Кошкаревой. Екатеринбург: Издательство «Баско», 2011. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21200425>.
6. Каксин А.Д. О вводных средствах выражения модальности в хантыйском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2014. Вып. 2 (4). С. 9–16. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21611178>.

7. Каксин А.Д. О табу и подставных названиях в хантыйском и хакасском языках // Там же. 2016. Вып. 1 (11). С. 45–52. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26166429>.
8. Кронгауз М.А. Семантика: Учебник для вузов. М.: Издательский центр РГГУ, 2001. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18741917>.
9. Лазарев Г.Д. Сорненг тов. Рассказ на языке ханты. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 1999.
10. Рахилина Е.В. Основные идеи когнитивной лингвистики // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. С. 370–389.
11. Цыпанов Е.А. Метафорический перенос *название предмета* → *пейоратив* в коми языке // Филологические исследования — 2017: Фольклор, литературы и языки народов Европейской части России: формы, модели, механизмы взаимодействия. Сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции / Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2017. С. 101–105. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32460141>.
12. Черемисина М.И. Языки коренных народов Сибири: Учебное пособие / Новосибирский государственный университет. Новосибирск, 1992. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23076314>.
13. Черемисина М.И. Язык как явление действительности и объект лингвистики: Учебное пособие / Новосибирский государственный университет. Новосибирск, 1998. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23077041>.
14. Черемисина М.И. Состояние языка как показатель состояния духовной культуры народности // Предложение как единица языка и речи: Материалы Всероссийского научного симпозиума с международным участием, посвящённого 95-летию со дня рождения М.И. Черемисиной / Отв. ред. Е.В. Тюттешева. Новосибирск: Академиздат, 2019. С. 4–11.
15. Чертыкова М.Д. Концептуальное пространство *уйам* «стыд, стыдиться» в хакасской языковой картине мира // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. Вып. 1 (15). С. 44–51. DOI: <http://dx.doi.org/10.23951/2307-6119-2017-1-44-51>.
16. Csepregi M. Evidentiality in Dialects of Khanty // *Linguistica Uralica*. 2014. Vol. 50. Issue 3. Pp. 199–211. DOI: <http://dx.doi.org/10.3176/lu.2014.3.04>.
17. Potanina O., Filchenko A. A theory and typology of possession in Ob-Yenisei languages // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 206. Pp. 76–84. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.10.031>.
18. Salo M. Mordvin *t*-derivatives — the semantic equivalent for the impersonal // Урал-алтайские исследования. 2010. № 2 (3). С. 72–87.
19. Söder T. «Walk This Way»: Verbs of Motion in Three Finno-Ugric Languages / *Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Uralica Upsaliensia* 33. Uppsala, 2001.
20. Steinitz W. *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache*. Berlin: Akademie Verlag, 1966–1991.

Image of Fisherman in Khanty Narrative: Colloquial Means in Structure of Fictional Text

Andrey Danilovich Kaksin — Doctor of Philology, leading researcher at the Institute of Humanitarian Studies and Sayan-Altai Turkology, Khakassian State University named after N. F. Katanov.
E-mail: adkaksin@yandex.ru

The article is devoted to one of the aspects of the cognitive part of reconstruction of the human image in the Khanty language. The key task was to identify a mental image of a Khanty person and an adequate description of this person in a text. This task required studying the linguistic means in two aspects: paradigmatic (or static) and syntagmatic (or dynamic). After defining the key concept (Khanty = fisherman), the author conducted a search for

keywords defining a person rooted in the native land. Based on the dialectological dictionaries of the Khanty language, the author compiled a list of these definitions, including six lexical units, as well as a list of lexical-semantic variants for defining and evaluating a person. The study concluded that the structural and semantic features of these units, embedded in the dictionary as potential, are fully manifested in a text, contributing to the complete realization (verbalization) of the concept. The textual analysis is based on the story of the founder of Khanty literature, Grigory Lazarev, "Sorneng tov" ("The Golden Horse"). The story describes life in a small fishermen's village; the main characters are three generations of one family: an old fisherman, his son and grandson. Careful reading allows identification of means employed by the author to develop the characters as fully as possible. It is clear that the author, Lazarev, strives to describe the characters extremely accurately. He succeeds, especially with the direct speech of the characters. The words and phrases that describe and evaluate a person are also found in the story's narrative and descriptive fragments. There are also commonplace phrases and expressions that are not typical of the Khanty language. This is explained by the imperfection of the Khanty language in its written form (insufficient development of the Khanty literary language).

Keywords: lexical units, discursive means, context of use, characterization, evaluation, Khanty language

REFERENCES

1. Apresyan Yu.D. Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya // Voprosy yazykoznaniiya. 1995. № 1. S. 37–67. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18801389> (in Russian).
2. Baidak A.V. Metaforiy i obraznye skhemy v sel'kupskom yazyke // Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy. 2013. Vyp. 2 (2). S. 9–15. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20191623> (in Russian).
3. Burykin A.A. Iz opyta izucheniya paradigmاتي frazeologicheskikh edinit russkogo yazyka (vstavit' svoi pyat' kopeek) // Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. 2018. T. 4, № 1. S. 5–14. DOI: http://dx.doi.org/10.22250/2410-7190_2018_4_1_5_14 (in Russian).
4. Vakhtin N.B. Zametki ob odnoi osobennosti akta kommunikatsii // Antropologicheskii forum. 2005. № 3. S. 148–166. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11990691> (in Russian).
5. Dialektologicheskii slovar' khantyiskogo yazyka (shuryshkarskii i priural'skii dialekty) / S.I. Val'gama, N.B. Koshkareva, S.V. Onina, A.A. Shiyanova / Pod red. N.B. Koshkarevoi. Ekaterinburg: Izdatel'stvo «Basko», 2011. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21200425> (in Russian).
6. Kaksin A.D. O vvodnykh sredstvakh vyrazheniya modal'nosti v khantyiskom yazyke // Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy. 2014. Vyp. 2 (4). S. 9–16. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21611178> (in Russian).
7. Kaksin A.D. O tabu i podstavnykh nazvaniyakh v khantyiskom i khakasskom yazykakh // Tam zhe. 2016. Vyp. 1 (11). S. 45–52. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26166429> (in Russian).
8. Krongauz M.A. Semantika: Uchebnik dlya vuzov. M.: Izdatel'skii tsentr RGGU, 2001. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18741917> (in Russian).
9. Lazarev G.D. Sorneng tov. Rasskaz na yazyke khanty. Khanty-Mansiisk: Poligrafist, 1999 (in Russian).
10. Rakhilina E.V. Osnovnye idei kognitivnoi lingvistiki // Fundamental'nye napravleniya sovremennoi amerikanskoi lingvistiki. M.: Izd-vo MGU im. M.V. Lomonosova, 1997. S. 370–389 (in Russian).
11. Tsypanov E.A. Metaforicheskii perenos *nazvanie predmeta* → *peiorativ* v komi yazyke // Filologicheskie issledovaniya — 2017: Fol'klor, literatury i yazyki narodov Evropeiskoi chasti Rossii:

- formy, modeli, mekhanizmy vzaimodeistviya. Sbornik statei po itogam Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii / Institut yazyka, literatury i istorii Komi NTS UrO RAN. Syktyvkar, 2017. S. 101–105. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32460141> (in Russian).
12. Cheremisina M.I. Yazyki korennykh narodov Sibiri: Uchebnoe posobie / Novosibirskii gosudarstvennyi universitet. Novosibirsk, 1992. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23076314> (in Russian).
 13. Cheremisina M.I. Yazyk kak yavlenie deistvitel'nosti i ob"ekt lingvistiki: Uchebnoe posobie / Novosibirskii gosudarstvennyi universitet. Novosibirsk, 1998. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23077041> (in Russian).
 14. Cheremisina M.I. Sostoyanie yazyka kak pokazatel' sostoyaniya dukhovnoi kul'tury narodnosti // Predlozhenie kak edinita yazyka i rechi: Materialy Vserossiiskogo nauchnogo simpoziuma s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchyonnogo 95-letiyu so dnya rozhdeniya M.I. Cheremisinoy / Otv. red. E.V. Tyuntesheva. Novosibirsk: Akademizdat, 2019. S. 4–11 (in Russian).
 15. Chertykova M.D. Kontseptual'noe prostranstvo *uiat* «styd, stydit'sya» v khakasskoi yazykovoi kartine mira // Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy. 2017. Vyp. 1 (15). S. 44–51. DOI: <http://dx.doi.org/10.23951/2307-6119-2017-1-44-51> (in Russian).
 16. Csepregi M. Evidentiality in Dialects of Khanty // *Linguistica Uralica*. 2014. Vol. 50. Issue 3. Pp. 199–211. DOI: <http://dx.doi.org/10.3176/lu.2014.3.04>.
 17. Potanina O., Filchenko A. A theory and typology of possession in Ob-Yenisei languages // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 206. Pp. 76–84. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.10.031>.
 18. Salo M. Mordvin t-derivatives – the semantic equivalent for the impersonal // *Uralo-altaiskie issledovaniya*. 2010. № 2 (3). S. 72–87.
 19. Söder T. «Walk This Way»: Verbs of Motion in Three Finno-Ugric Languages / *Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Uralica Upsaliensia* 33. Uppsala, 2001.
 20. Steinitz W. *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache*. Berlin: Akademie Verlag, 1966–1991.